

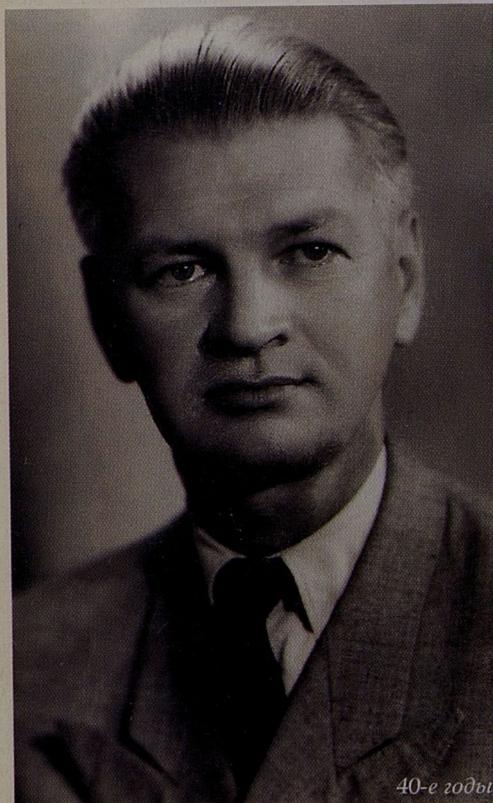
Кубацкий Анатолий 08.11.98

ЧЕЛОВЕК ИЗ СКАЗКИ

На Финской войне

С помощью простой арифметики легко определить, что детство Кубацкого пришлось не то что на дореволюционные, но и на довоенные (в смысле — до Первой мировой) годы. И те времена для нас — это тоже уже почти сказка. Гимназисты и курсистки. Балы и фанты. Домашние театры. Да было ли это все на самом деле?

40-е годы

Однажды на концерте «Товарищ Кино» зрительница из первого ряда, указывая на Анатолия Кубацкого, непосредственно воскликнула: «Я его знаю, в детстве он был водяным!». Окружающие грохнули. Хотя, разумеется, и поняли, что женщина имела в виду свое детство и роль Кубацкого в фильме «Марья-искусница», которую она с тех давних времен запомнила. Он действительно актер из нашего детства, независимо от того, сколько лет или десятилетий назад оно было. Человек из сказки, где водятся лешие, водяные, колдуны, добрые короли и злые разбойники. Он переиграл их всех, причем не только в кино, но и на радио. 1 ноября старейшему российскому киноартисту исполняется девяносто лет.

— Было, было! Нас у родителей шестеро — три брата и три сестры. Я — младший. А старший брат как раз и устраивал любительские спектакли, и, естественно, мы все принимали в этом участие. Репетировали, рисовали афиши, обсуждали все у себя дома. А потом наступал день премьеры. Мы снимали помещение по соседству, дом князя Волконского или Клуб купеческих приказчиков. И дальше — по полной программе. Сначала давали водевиль или комедию. Ну а потом, разумеется, начинался бал. Или, как это тогда называлось, бал-парэ: с почтой Амура, конфетти, серпантинном, призами.

— А за что призы-то получали?

— Как за что? Дамы — за вальс, мужчины — за мазурку...

Словом, как это принято пафосно говорить, «в атмосфере театра Анатолий Кубацкий пребывал с детства». Но в отличие от большинства своих друзей захотел остаться в ней на всю жизнь. В школе вместе с приятелем выучил классическую сцену встречи Счастливецва и Несчастливецва из «Леса» Островского и разыграл ее перед одноклассниками. Он был уверен, что идея самодеятельного театра непременно увлечет их. Но, видно, школа была какая-то «неправильная». Или сверстники — в духе времени — уже собирались строить светлое будущее, а не лицедействовать на сцене. Словом, никто Кубацкого в его порыве не поддержал. Где найти близкую душу? Во Флеровской гимназии! Там еще не перевелись люди, способные увлечься высоким искусством. Там учились Варпаховский, Мария Миронова и другие будущие знаменитости. С ними-то Кубац-

кий и сошелся... Однажды горячую театрально настроенную молодежь заметили взрослые и решили направить ее энергию в нужное для общества русло.

— Нас пригласили на постановку политизированного представления под названием «Международный вокзал». С этого все и началось. Мы тут же организовали эстрадный молодежный коллектив, стали давать концерты в Москве и даже выезжать с ними в пригород.

А потом Варпаховский организовал Первый Эксцентрический Камерный Сочетательный Ансамбль. Или, чтобы язык не сломать, «ПЭКСА». А чтобы было уж совсем понятно, джазовый оркестр.

— Выступали мы в кинотеатре на Малой Дмитровке, где шли эксцентрические комедии с Бестером Китонем и Гарольдом Ллойдом. Ну и мы в том же духе: импровизировали, обыгрывали шлепки, падения, полеты. И даже пытались озвучивать мультфильмы Диснея.

— Но если оркестр, значит, играть на чем-то нужно?

— Да все участники джаза и были консерваторцами, лишь я, благодаря дружбе с Варпаховским, пристроился туда без музыкального образования. Играл на свистульках и трещотках, короче, создавал шумы. Неизвестно, сколько бы еще веселились на Малой Дмитровке, но однажды откуда-то приехал секстет негров и стал выступать на нашей сцене. А мы вынуждены были ретироваться.

В общем, не выдержали натиска «музыки толстых» в исполнении заезжих иностранцев. Была середина двадцатых. Кубацкий встал

ТВ Парк, - 1998, - 2-8 ноября, - с. 58 - 60

перед необходимостью как-то определиться. Однажды узнал о том, что Юрий Завадский набирает учеников в свою студию.

— И я пришел к нему. Вместе со мной на курс поступали Ростислав Плятт, Марк Перцовский, Юра Дуров. Студия находилась на Сретенке, на втором этаже в помещении бывшего Паноптикума. Вот в Паноптикуме мы и пытались ставить наши первые спектакли. А вскоре на той же Сретенке нам дали новое помещение. И там мы начали наш самый первый сезон. На открытии присутствовал сам Мейерхольд. Помню, как мы одной

помещении, возникла необходимость пополнить труппу. Вопрос стоял очень остро, не решив его, мы даже не могли открыть новый сезон. Время шло, но казалось, что ничего не делается. И вдруг Завадский заявляет, что собирается на месяц на Черное море. Как же так? А как же работа? Но Завадский улетает. А в его отсутствие в стенах студии откуда-то неожиданно появляется группа неизвестных молодых людей, довольно свободно чувствующих себя среди нас. Никто их не знает, никто нас с ними не знакомит. Мы ничего не понимаем... Оказалось, что это и есть наши новые актеры, которых по просьбе Завадского пригласил на свое усмотрение директор студии, человек тоже новый. И мы с Пляттом написали для стенгазеты статью об этой ситуации. Так, обычная заметка. Никого она особо и не взволновала — все же все видели и понимали. Но вот возвращается Завадский, читает статью. И приходит в бешенство. Он идет в Комитет работников искусств и ставит перед руководством ультиматум: «Либо я, либо авторы этой статьи. Вместе мы существовать не можем». Некто Городинский, возглавлявший тогда Комитет, обещает сделать все необходимое, чтобы создать мастеру условия для спокойной работы. Он созывает общее собрание студийцев, произносит разгромную политизированную речь и выносит решение — Плятта и меня из театра уволить, из профсоюза исключить и даже поставить вопрос о лишении нас паспортов. И на другой день мы оказываемся уволенными. Вот такая история... Спустя какое-то время Плятт помирился с Завадским, вернулся в студию, а я — нет. И никогда об этом не жалел.

Жалко, жалко было уходить. Но большой начальник Городинский не уничтожил молодых людей, как ему того хотелось. Театральных площадок в те времена в Москве было много. К тому же Кубацкий и Плятт уже были в

штате Всесоюзного радиокомитета, получали там приличную зарплату, а потому перед ними не было угрозы голода или неопределенного социального статуса.

Однажды, осенью 1939 года, возвращаясь домой, Кубацкий встретил перед своей дверью человека в военной форме. Тот вручил повестку с требованием явиться в назначенное время к кинотеатру «Космос». Следовало иметь при себе документы, ложку, кружку...

— А вечером мы уже были на вокзале.

Нас погрузили в товарняк и куда-то повезли. В Орле расформировали, обстригли, переодели и повели по шоссе в Польшу. Вдруг приказ Ворошилова: «Остановиться». Постояли, повернули назад. Потом выдали новое обмундирование и

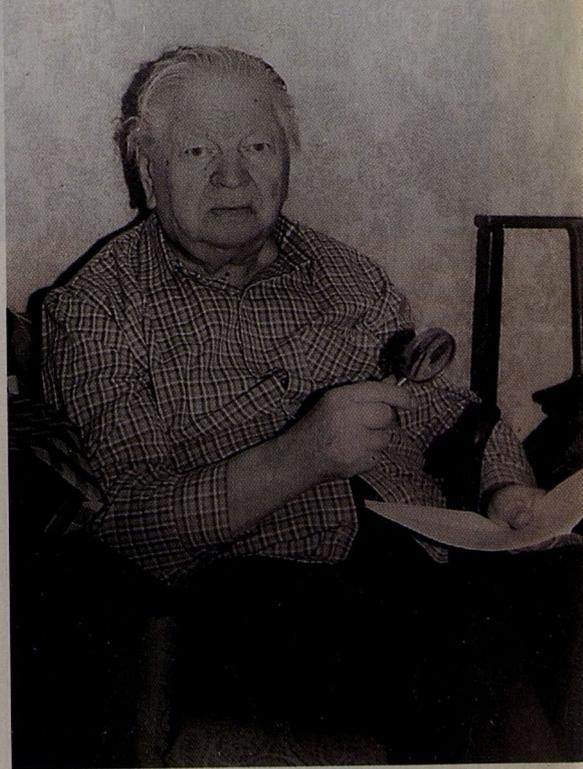
С женой (1938)

повезли в Финляндию, в Кандалакшу. Там нас финны изрядно потрепали.

Потом была еще одна война. Театры накапливались и уезжали на восток. Холодный зимний ветер трепал обрывки старых, никому не нужных афиш. Казалось, сценическая жизнь в столице была обречена на вымирание...

— Но некоторые артисты по разным причинам остались. Из них составилась новый театр — Театр драмы во главе с Николаем Михайловичем Горчаковым. Играли мы в помещении бывшего театра Корша. А после войны

1998 г.

«Новые похождения Кота в сапогах»

большой семьей встречали в студии Новый год. Всю ночь к нам приезжали актеры из других театров, поздравляли, выступали с концертными номерами. Было ужасно весело. Первый гост подняли, конечно, за наступивший 1927 год, а второй — за здоровье Веры Марецкой, которая только что родила Завадскому сына.

Студийцы боготворили Завадского. Но, увы, с Мастером у Кубацкого связаны не одни лишь приятные воспоминания. В те годы он дружил с Пляттом, который позднее в своей книге «Без эпилога» написал о нем: «...Мы его называли Кубик. Из всей нашей компании он один умел играть на рояле и поэтому нещадно эксплуатировался». Вместе с Пляттом Кубацкий и оказался в центре неприятного инцидента...

— Дело было так. Когда мы начали работать в новом, значительно более приспособленном

«Королевство кривых зеркал»

наш коллектив стал называться Театром Маяковского, и проработал я в нем в общей сложности пятнадцать лет.

Стоп, стоп! Но когда же начался Кубацкий-киноактер? Тот самый, которого мы знаем и любим по «Новым похождениям Кота в сапогах» и «Вечерам на хуторе близ Диканьки», по «Огню, воде... и медным трубам» и «Королевству кривых зеркал». Когда же стал он своим человеком в сказочном мире? Ведь все то, о чем шла речь, ну, кроме разве что ранних детских лет, на сказку мало похоже.

«Земля и люди»

— Когда? Очень давно! Мой кинодебют состоялся в 1928 году. Из ныне живущих киноактеров таким стажем, пожалуй, уже никто не похвастается. Ну а что касается сказки, то тогда мне до нее было еще очень далеко. Мой первый фильм назывался

«Дело было в Пенькове»

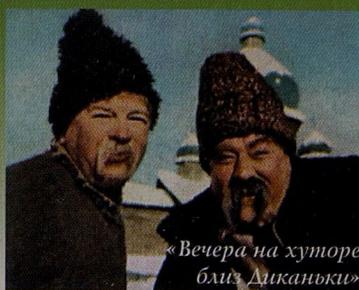
«Простые сердца». Я играл молодого парнишку, сельского жителя, брата героини Марецкой. Ее кавалера играл Михаил Яншин. Потом был перерыв, и лишь с начала пятидесятых для меня началась активная работа в кино. Большие роли пришли ко мне после «Случая в тайге». В фильме было два охотника — один положительный, другой отрицательный. Я играл отрицательного и должен был воровать соболей из чужих капканов. Поначалу сложностей на съемках не предвиделось. Но потом оказалось, что очень непросто вытаскивать соболя и спрятать за пазуху. Они такие прыткие, бойкие, и нужно было исхитриться схватить его за холку, чтобы он тебя не цапнул. И все-таки один из них прокусил мне ноготь.

— Плохо быть отрицательным... А ведь он в вашем репертуаре был не единственным. Вспомните хотя бы генерала Франца из фильма «Щит и меч».

— Да, он мне надолго запомнился. Сыграл Франца, сыграл еще пару злодеев, а ребята во дворе уже кричат: «Вон идет этот вредный тип!». А вообще-то, отрицательных ролей у меня было немного. Та же «Марья-искусница», скажем. Мой водяной, ну кто он такой? Коварный злодей? Да ничуть! Хитрый мужичонка с длинной бородой, душа нараспашку!

— Это все, наверное, от Роу, в его сказках даже злодеи были добрыми и нестрашными.

— Сказки-то получались такими. Но при этом, надо сказать, Роу никаких замечаний по характеру роли не делал: мол, будь на вид таким-то, но чтобы изнутри просвечивало то-то. Он считал, что раз пригласил артиста, тот сам должен сообразить, что от него требуется, и сделать свое дело. Все-таки он был больше сильным

«Вечера на хуторе близ Диканьки»

его, жена сказала: «Ну и что? Толя так же играл». Вот и вся похвала. Зато в ней была бездна самообладания и выдержки, она редко открыто выражала свои эмоции. Да, жена была совершенно не годящимся для искусства человеком. Представьте себе: она почти никогда не улыбалась!

Ну вот, получается не Марья и не Василиса, а Несмеяна! А сын?

— Мы с женой старались, чтобы он не пошел в театр, так и получилось. Сын окончил архитектурный институт, сейчас руководит мастерской в «Моспроекте». После смерти жены я оставил

ему квартиру и переехал в Дом ветеранов кино.

— Коллеги говорят о вас как о замкнутом, скрытном человеке, не входившем ни в какие компании. Вы никогда не участвовали в скандалах, а спорили только с режиссерами. Это так?

— Да и с режиссерами я спорил не очень-то. У них своя ра-

И еще один правитель — китайский...

ремесленником, чем творцом... У него я снимался много и все больше по королевской части: король Йагупоп, король Унылио, царь Водокрут. Были еще замухрышки-мужички вроде кума Пана-са из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». У Роу был костяк исполнителей, которые были обязаны принимать участие во всех его постановках: Милляр, Хвьяля, Алтайская, Потемкин, Павленко, Носова. И неважно, подходила роль актеру или нет.

Интересно, а кем могла быть жена водяного Водокрута? Так и представляешь себе: приходил Кубацкий со съемочной площадки домой, а там ждала его какая-нибудь заколдованная Марья-искусница или Василиса Прекрасная. В расписном сарафане и кокошнике.

— Жена моя, Раиса Ефимовна, родилась не в сказочном царстве, а в Одессе. Лет в двенадцать-тринадцать она приехала с родителями в Москву. Ее отец, инженер-электрик, получивший образование во Франции, занимался противопожарным оборудованием. И Раиса пошла по его стопам: закончила противопожарный техникум, за-

«Сорока-воробья»

бота, у меня — своя. Задача в том, чтобы исполнить роль так, как ты чувствуешь. И все. А компаний я особо никаких и не помню. Все заменяла профессия.

— Почему же у вас нет никакого звания?

— Наверное, в силу моего характера. Я никогда не предпринимал для этого никаких шагов. А само ничего не приходит. Меня это не интересовало, не волновало, не беспокоило. Когда-то, очень давно, когда начался этот вал наградений, раздача званий, Станиславский сказал: «Ну, искусство кончилось».

А зачем Кубацкому звание?! Он и так народный Водокрут, Йагупоп или атаман разбойников из «Морозко». Человек из сказки.

«Щит и меч»

Сергей Капков
Фото автора

и из архива А. Кубацкого

ПЯТНИЦА ТВ ЦЕНТР. 12.10

ПЯТНИЦА ОРТ. 15.15